

Виктор
Гюго
МЕДВЕЖЬЯ
РЕЧКА

Виктор
Тюфман

МЕДЛЕННАЯ
РЕКА

стихи

Москва
Советский писатель
1982

Стихи Виктора Гофмана печатались в журналах «Юность» и «Новый мир», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии».

Собранные в первой книге произведения молодого поэта говорят о поисках жизненной дороги лирическим героем его стихов. В поле зрения автора — постоянная мысль о том, что только любовь к людям, только причастность к их жизни, к их заботам, только кровная заинтересованность в их судьбах может придать характеру молодого человека и душевную твердость, и ясность понимания окружающего мира, и определенность в выборе жизненной цели.

Художник Людмила МАКИНА

Г $\frac{4702010200-093}{083(02)-82}$ 160—82

© Издательство
«Советский писатель», 1982 г.

* * *

Я иду от Никитских
с легкой грустью своей,
вижу милых и близких
незнакомых людей.

Городские старухи
с отрешенным лицом
греют дряблые руки
и скорбят о своем.

И влюбленные пары,
глядя на листопад,
на скамейках бульвара
безмятежно сидят.

Только мудрые дети
в безрассудстве своем
ковыряют в планете
деревянным совком.

А дорожки заносит
пожелтевшей листвой...
Двадцать первая осень
над моей головой.

1970

Живу в Вишневом переулке
вдали от шумной толкотни,
работа, чтение и прогулки
обычно занимают дни.

Сейчас сижу, пишу в тетради,
часы настенные стучат,
вздыхаю, временами глядя
в окно, распахнутое в сад.

Там постепенно вечереет,
и свет уже включать пора,
и все острее и острее
сиренью тянет со двора.

И загорается над садом,
робея, первая звезда,
и слышно мне, как где-то рядом
стучат протяжно поезда.

И все застыло в изумленье
от собственного бытия:
тюльпаны и кусты сирени,
деревья и душа моя.

1969

ЯЛТА

О, неужели были времена,
когда по этой набережной, летом
с собачкой маленькой неспешно шла она
под зонтиком от солнечного света.

И можно было, опершись на трость,
следить за ней, прищурившись от солнца,
и можно было дать собаке кость
и завести случайное знакомство.

Потом от скуки завязать роман,
который отдавал сюжетом книжным,
разъехаться по семьям и домам
и вдруг застыть со взглядом неподвижным.

И вдруг понять, что суть сближенья двух —
лишь чудо за соломинку держаться,
когда сдает носимый миром дух,
измученный и жаждущий прижаться.

Спасибо же за эти огоньки,
за то, что мы в доверье и бессилье,
ночной глуши слепые мотыльки,
летим на них и опаляем крылья!

1971

С трудом глаза я утром открываю,
сажусь и ноги в тапочки сую,
и, комнату еще не узнавая,
я жизнь свою невольно узнаю.

Я ставлю чайник, я готовлю завтрак,
я тороплюсь, чтобы не опоздать,
потом я ем и думаю, что завтра
все это я сделаю опять.

Я выхожу в туманную столицу,
по многолюдным улицам иду,
гляжу прохожим в заспанные лица
и удивляюсь спящим на ходу.

Меня уносит эскалатор длинный
в подземный мир колонн, огней и плит,
и в суматохе кучи муравьиной
затискан я, затолкан и забит...

В семь пятьдесят я подхожу к заводу,
щелчком бросаю в урну «Беломор»,
у проходной уже полно народа,
и проверяет пропуска вахтер.

Здесь я служу почти уже два года
в многотиражке на две полосы,
являющейся органом завода,
которым выпускаются часы.

Примерно в три, а иногда — четыре —
я снова дома, я переодет,
я полчаса слоняюсь по квартире,
пока жена готовит мне обед.

Обедаю, курю, потом скучаю
минут пятнадцать и опять курю,
потом я выпиваю чашку чая,
потом за чай жену благодарю.

Я что-то делаю еще: о чем-то размышляю,
кино по телевизору смотрю,
или с соседом в шахматы играю,
или с женой о чем-то говорю.

День близится к концу. К чему в себе копать.
Я почитать расслабленно сажусь.
Мне хорошо. И где-нибудь в двенадцать
будильник завожу и спать ложусь.

1972

* * *

Слева — то же море на беду,
справа — деревянное жилье,
тоненькая девушка в саду,
напевая, вешает белье.

Год прошел, а кажется, вчера,
чудится в непрочном забытьи —
встречи мимолетные, жара,
шлепанцы купальные твои.

В небе то же солнце на беду,
в море те же лодки вдалеке...
Что я потерял, чего я жду
на сухом, скучающем песке?

Волны набегают на песок,
убегают, набегают вновь,
тоненький девичий голосок
напевает песню про любовь.

1972

* * *

Бубнил контрабас, басила гитара,
рыжий ударник творил чудеса,
вокруг валялась грязная тара,
и непривычно молчали пресса́.

В серых халатах, рабочих спецовках
слушал внимательно прессовый цех
милую песенку, а концовка
особенно поразила всех.

Девушка тянула долго и чисто,
напрягая тоненький голосок,
и было довольным лицо баяниста,
облокотившегося о станок.

А через час уже прозой металла
грохала сталь, ударяя о сталь,
и нажимала, и нажимала,
и нажимала нога на педаль.

1973

* * *

Удручена прощанием нашим скорым
среди больничной душной суеты,
ты уходила белым коридором,
и я смотрел, как удалялась ты.

Вдоль строгих стен так медленно и странно
твоя фигура грустная плыла,
среди белого тяжелого тумана
ты беззащитной девочкой была.

Вокруг молчали белые покои,
и помню я, как обернулась ты
и улыбнулась, помахав рукою,
в которой были белые цветы...

А ты все уходила, уходила,
ты растворялась в этой белизне
и, может быть, с собою уносила,
что так потом и не открылось мне.

1972

* * *

Ежели поэты врут,
больше жить не можно...
Я. Смеляков

1

Неведомо откуда
льет дождик в феврале,
немытая посуда —
на кухонном столе.

Жена лежит в больнице
уже пятнадцать дней,
врачи и фельдшерицы
заботятся о ней.

Пуста моя квартира
весь этот долгий срок,
засохший ломтик сыра
на полке одинок.

И отчего не знаю
с вчерашнего утра
ко мне пристала злая
несносная хандра.

Пришла она, возможно,
когда прочел я вдруг,
что больше жить не можно,
когда поэты врут.

Я верю Смелякову,
и мне тревожат грудь
его простое слово
и непростая суть.

И путь его тревожный
болит в пути моем, —
действительно, не можно,
а все-таки живем.

2

Тепло и захолустно
мне в комнате пустой,

грызу сухарик грустный
и вижу образ твой.

Ты выйдешь из больницы,
животик заживет,
все снова повторится
и дальше потечет.

О вечной колыбели
нам рано горевать,
мы летом в Коктебели
поедем отдыхать.

3

Ну, а пока что дождик
февральский моросит,
и «вечности заложник»
в лицо мое глядит.

В пижаме полосатой
он снят перед концом
с сухим, невиноватым,
измученным лицом.

И я гляжу на фото,
и думаю о том,
что есть на свете что-то,
зачем мы все живем.

1972

В ПОДМОСКОВЬЕ

В конце сентября, в Подмосковье
среди отдыхающих лиц
я жил отболевшей любовью,
шуршаньем листвы и страниц.

Скучал между шахмат и строчек
я множество пасмурных дней,
как вдруг прилетел ангелочек
с божественной песней своей.

Все было смешно в ангелочке:
румянец на пухлых щеках,
развязанные шнурочки
на крохотных башмачках.

Он пел вдохновенно и ясно
о свежих цветах на столе,
о том, что светло и прекрасно
на этой прекрасной земле.

И, слушая нежные звуки,
я видел: меж мокрых ветвей
выдавшие виды старухи
гуляли в тумане аллей.

Был день по-осеннему хмурый,
и от корпусов в стороне
печальные эти фигуры
казались печальней вдвойне.

Я знал эти тихие тени,
по вялым, дрожащим губам

я видел, как трудно ступени
даются тяжелым ногам.

От завтрака и до обеда,
потом в ожиданье кино
у них протекает беседа
о том, что минуло давно.

И много за слабой спиною
тревожной воды утекло,
строительством, страхом, войною
им время на плечи легло...

Но, комкая белый платочек,
наивную песню свою
восторженно пел ангелочек,
как будто родился в раю.

Он пел высоко и свободно,
не видя вокруг ничего,
и было кому-то угодно
блаженное пенье его.

И песня его не кончалась,
иплыли в окошко слова,
и слабо при этом качалась
смешная его голова.

1973 .

Этот дом с галереею хрупкой
под январским стоянием звезд
много раз, как на жизни зарубки,
отмечал мой замедленный рост.

Я рукою отбрасывал ветки,
задыхаясь, вбегал на крыльцо...
Потому ли у каждой беседки
мне мерещится чье-то лицо.

Потому, только гляну на хмурый,
на заваленный снегом откос,
вижу чью-то худую фигуру
среди милых замерзших берез.

Все проходит, а он остается
вдалеке от слепой суеты,
замерзает зимою болотце,
распускаются летом цветы.

Может быть, мне еще уготован
этот дом для последнего дня,
но уходит, как в миф прожитого,
в занесенную чашу лыжня.

1973

УШБА

Где-то от будней и службы
в невероятной дали
высится гордая Ушба
древней грузинской земли.

Средь суеты неизбежной
только забудусь на миг —
вижу я пик ее снежный,
слышу я коршуна крик.

Люди вокруг и машины.
Я на аркане возни.
Что мне до этой вершины?
Что до ее белизны?

Только все чаще и чаще
видится издалека,
как проплывают маняще
мимо нее облака.

1972

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Опять железная дорога,
столбы, платформы, провода
и эта вечная тревога
пути неведомо куда.

Угрюмо курят пассажиры,
и дни уносятся назад;

и логикой железной мира
колеса четкие стучат. -

И, сознавая неизбежность,
никак понять я не могу,
зачем мучительную нежность
я в трезвом сердце берегу?

Зачем на мимолетном свете
мне долго хочется смотреть
на плечи худенькие эти
и долго эти руки греть?..

1973

* * *

Теплая ночь за окном.
Тусклая лампа горит.
Где-то в пространстве ночном
птица порою кричит.
Полон расслабленный сад
свежести, запахов мглы,
майские звезды горят,
невозмутимо светлы.
Долго гляжу я в окно:
тихо, свободно, темно.

Кажется: вот я один,
мир предо мною раскрыт
от лепестков георгин
до отдаленных орбит;

слышно: в далеком краю
в люльке младенец кричал,
кажется — вот я стою
перед началом начал...
И неизбежности мгла
тоже как будто светла!

1973

* * *

Благодарю тебя за то,
что я сегодня в пять
надел осеннее пальто
и вышел погулять.

За то, что дождик моросит
в обители лесной,
за то, что мокрый снег лежит
под елью и сосной.

За пробуждение надежд,
за иглы на снегу,
за то, что воздух чист и свеж
и я дышать могу.

За то, что предстоит прожить
и суждено уйти,
за то, что мне в Москву звонить
назначено к шести.

1970

КНИГА БЫТИЯ

Висит над крышами свинец.
Рассвет, Подобие рассвета.
И хрипло кашляет отец
над свежей утренней газетой.

Приходит бабушка потом,
тарелки ставит на клеенку,
и суетится над столом,
и сыр «российский» режет тонко,
и, с грустью старческой взглянув,
как мы едим неторопливо,
уходит, тяжело вздохнув,
к машинке швейной молчаливо...

Потом за чтение сяду я
и, щеку подперев рукою,
в неясной Книге Бытия
строку читаю за строкою.
Но обострившимся чутьем
в минуты эти четко слышу,
как бабушка шумит шитьем
и как отец за стенкой дышит...

И неразгаданным стихом,
не ведая преображенья,
мы все ложимся в новый том,
как вечной книги продолженье.

1973

МАРТ

Сажусь на светлую скамью
на солнце мартовском погреться
и думаю про жизнь свою,
и вновь оттаивает сердце.

И непокрытой головой
под слабым дуновеньем ветра
я чувствую, что я живой
и что любовь не безответна.

Не потому ли, что душа
тянулась в небо, как деревья,
как шар в руке у малыша
на тонкой ниточке доверья...

Так, уставая от толлы,
ступая тихими стопами,
к истокам тягостной тропы
уносит радостная память.

1974

НА ДАЧЕ

1

На даче холодно и сыро.
Лежу, закутавшийся в плед.
Пытаюсь на вопросы мира
найти единственный ответ.

И в памяти перебираю
сухие знаки на песке
от сотворения и рая
до аксиомы на доске.

...Не лучше ли согреться чаем,
наполнить дымом мирный дом
и насладиться этим раем
под нескончаемым дождем.

И после чая в полшестого,
в тяжелый свитер облачась,
ложусь я почитать Толстого
и засыпаю через час.

Но все равно к исходу суток
от звуков капель за стеной
мне хочется разбить рассудок
о подоконник ледяной.

2

Три одинокие старухи
впустили нового жильца,
и долго лаял вислоухий
пес у намокшего крыльца.

Я занят был серьезным делом,
три дня валяясь в столбняке,
считая трещины на белом,
покрытом пылью потолке.

Лишь позже начал замечать я,
оставив бесполезный бред,
над отведенною кроватью
хозяйки девичий портрет.

Прислушиваясь к разговорам,
я вдруг увидел наяву
тот мир действительный, в котором
я созерцаю и живу.

И слушал, затаив дыханье
и сердце муча в мелочах,
простые их воспоминанья
о дальних, призрачных годах.

И видел, как неловкой ручкой,
чтоб унести с собой в постель,
смешная худенькая внучка
берет из вазы карамель.

3

День каждый, лишь глаза открою,
уйдя от ласкового сна,
одна и та же предо мною
стоит холодная сосна.

И я невидяще взираю
на ствол расплывчатый ее,

настойчиво припоминая
минувшей ночи забытью.

Мне кажется, в нем что-то было,
что осмысляет этот день,
и это розовое мыло,
и эту утреннюю лень.

И за рассеянной едою
я все пытаюсь уловить
разорванную за спиною
неумолимым светом нить.

Но редко в ясности минутной
мелькнет моя живая тень,
и снова длится этот мутный
зачем-то начавшийся день.

1974

* * *

Длинный октябрь,
осененный порой листопада,
преображенье и плавность полета листа.
Мудрость и мужество.
Большого в жизни не надо.
Радость дыхания,
бочка с водой у куста.

Сердцем улавливай медленный миг мирозданья,
произнеси перед сном благодарность за рай,
за ежедневные с утренней речкой свиданья,
за тишину
и круженье листвы на сарае.

У МОРЯ

1

Грохочет пляж, шипит транзистор,
и слышен громкий детский плач,
в худую спину шахматиста
случайно попадает мяч.

Уже вторично репродуктор
на катер «Куйбышев» зовет,
но все едят свои продукты,
на небо выпучив живот.

И то, что в трепет обращает,
туманя разум красотой,
потеет, дремлет и скучает
вокруг резиной надувной.

И сердцу радостно хотя бы,
когда с добычей в руке
охотник на несчастных крабов
стоит победно на песке.

И плачут дети, плачут дети,
как будто только им одним
дано увидеть в ясном свете
все, что так свято мы храним.

2

Все изменилось, все смешалось,
и я никак не разделю
презрение мое и жалость,
любовь и ненависть мою.

**Мне хочется взорваться словом
и, проповедуя, пройти
по ресторанам и столовым
и жир с клеенок соскрести.**

**Или надеть большие ласты,
на миг дыханье задержать,
нырнуть на дно Екклезиаста
и через трубочку дышать.**

1974

ГЕКТОР

**Жену находит и целует,
и сына на руки берет,
и гибель знает наперед,
и он скорбит: его волнует
безрадостный конец войны
и плен супруги недостойный...
Но как лицо его спокойно!
Как все черты озарены
суровым, ясным светом свыше!..
Дай сыну стать отца превыше —
он гордо просит небосвод
и твердо к гибели идет...
И той же истиной безумной
озарено его чело:
все неизбежное разумно
и все разумное светло!**

1974

Вот он, забытый языческий миг!
Как после плавания мышцы гудят!
Каплю соленую ловит язык,
солнце и капли на теле блестят.

Грудь беспокойна, и шаг мой упруг,
жаркий песок облипает ступню.
Вот он, желанный спасательный круг, —
я поклоняюсь воде и огню.

Взгляд мой блуждает по стройным ногам,
чьи-то глаза отвечают, смеясь.
Радость живущему! Слава богам!..
Пó морю кто-то проходит, светясь.

1974

ЛЮТЕР

Они спешат по замкнутому кругу,
а я смотрю рассеянно на них.
Зачем им бог — хватает им друг друга,
а мне и вместе всех не хватит их.

Но, подчиняясь силе притяженья
и повинуюсь голосу в крови,
я тоже в их участвую движенье,
и некуда мне деться от любви.

И потому, должно быть, одиноко
мне в терпеливом шаге дней моих,

что, к ним идя, я уйду от бога,—
идя к нему, я уйду от них.

И мне придется поздно или рано,
их и его мучительно любя,
или застыть насмешкой Буридана,
иль сделать выбор, страшный для себя.

1974

СТОЛЕШНИКОВ

Здесь всегда гудит гурьба,
переулок переполнив.
Ида, Ида, я тебя
снова с тихой грустью вспомнил!

Здесь, в каморке за углом,
одиноко проживала
баба Ида и крестом
на холстине вышивала.

Я заглядывал сюда,
проходя в толпе случайно:
в умывальнике вода
вечно капала печально.

Помню, пахло утюгом.
Я садился за журналы.
Угощала пирогом,
родственников вспоминала.

И таращились с тахты
куклы с грязными щеками,
словно принцы и шуты
целовали их веками.

Мерно шли часы, стуча.
Было тускло и уныло.
И хозяйка, бормоча,
кошку старую кормила.

Так жила она, жила,
терпеливо проживала,
постепенно умирала,
незаметно умерла.

1974

БЕССОННИЦА

Утром проникающим и черным,
комнату оставив снов и нег,
дворник отупело и упорно
отбивает и бросает снег.

Дует он в мозолистые руки,
а вокруг пустынно и темно,
и опять размеренные звуки
отражает каждое окно.

Мысль моя беспомощно повисла,
словно люстра темная в тепле,
тая от бессмыслицы и смысла,
от бессонной ночи на земле.

**И она поскрипывает тоже,
от бессилья зла и горяча,
доводя до слабости и дрожи,
ужасом сомненья щекоча.**

**Вы зачем со мною, как живые,
словно с детства с каждым я знаком,
дворники, дворяне, дворовые,
человек усталый со скребком?**

1974

* * *

**Высо́ко в небе необъятном
плывут большие облака,
и есть в пути их непонятном
свободы вечная тоска.**

**И долго сердце протестует,
и трудно выбирает дни,
а это южный ветер дует,
и к северу плывут они.**

1974

ГЕРАКЛИТ

Если стал тираном демос,
от короны откажусь,
в платье старое оденусь,
в храм эфесский удалюсь.

На виду у граждан грубых
там устрою я возню,
приглашенья персов глупых
благосклонно отклоню.

И в пещере над обрывом,
среди сумрачных камней,
в размышленья молчаливом
доживу остаток дней.

В этом зрелище непрочном
бесполезен голос мой, —
пусть горит порой полночной
влажный Логос надо мной.

1974

СПАС-КУПАЛИЩЕ

Засыпают листья пруд.
Осень над водой горит.
И о том, что не умрут,
древо древу говорит.

У стены монастыря
тишина и благодать,
загорается заря,
золотя сырую гладь.

И опять,
        опять,
                опять
листья шепчут на ветру
и о том, что не понять,
и о том, что не умру.

1974

* * *

Я полюбил ночной порой
прогулки в местности сырой...

Я по тропинке в темноте
спускался медленно к воде,
и через несколько минут
мне открывался черный пруд,
и он природу отражал
и холодом в лицо дышал.

На небе было много звезд,
и лес на берегу другом,
и освещенный низкий мост,
и пруд, и никого кругом...

лишь шум плотины у моста,
и жабы заунывный зов,
и треск кузнечиков в кустах,
и шелестенье камыша...

Я поднимался, не спеша
и размышляя кой о чем,
и ветви задевал плечом,
и оставалось позади
в воде мерцание звезды,
и поглощала темнота
суровый, мерный стук зонта.

Я делал одинокий круг,
и снова к пруду подходил,
и отражение светил
таким же точно находил,
был тот же лес и тот же звук
глухой плотины у моста,
и думал я, что жизнь проста,
как отражение звезды
на черном зеркале воды.

1974

* * *

На далеком причале сигнал к отправленью ударил.
Море глухо шумело, огромно, пустынно, темно.
Пограничный прожектор по гальке рассеянно шарил.
На веранде смеялись и нехотя пили вино.

Это было начало пути. Это было начало.
Я смотрел и смотрел — и терялся во влажной дали.
Бесконечные волны катились, и чайка кричала.
Неподвижные звезды горели на небе Земли.

Это было начало пути. Дальше нить потянулась
между скучной игрой и, у моря сидящим, собой,
и в спешащей толпе одинокая, злая сутулость
вспоминает с невольной улыбкой простор и прибор.

Почему я не шел, молодой, танцевать на площадку?
Почему я не пил на веранде с другими вино?..
Это было давно. Помню ночь, и тоску, и тетрадку.
Я тогда написал на листе: «Это будет давно».

1974

* * *

Будет свет в комнатушке неярок,
будут окна напротив гореть,
я куплю себе «Детский подарок»
и начну, вспоминая; стареть.

Мне сейчас бы обидеться вволю
или вовсе поссориться всласть,
пробежать по знакомому полю
и у старой березы упасть!

Я желаю...

Да что там желаю!

Вы понять все равно не смогли б!

Я бы рад был собачьему лаю
или даже молчанию рыб.

Погрызу я сухое печенье,
разложу карамель на столе,
и узнаю свое назначение,
и ему улыбнусь в полумгле.

1975

В РАЗЛУКЕ

Что же мне снова не вольно?
Что же не видно конца?
Слышится звон колокольный.
Сосны встают у лица.

Долгие, ровные звуки,
в воздухе март и весна;
как озаренья в разлуке,
даль голубая ясна.

Выйду к воротам старинным,
трону тяжелый засов,
сердцу покажется длинным
ход терпеливых часов.

Ветер дремотной прохладой
жадную юность томит,
что же за странной оградой,
не отпуская, щемит?

Это ли поле сырое,
небо ли далью своей,
или весенней порою
явственней ты и больней?

1975

БАХ

Опять в смычке твоём протяжном
соблазн душу отрешить,
и умирать с тобой не страшно,
и силы нет с тобою жить.

Что делать мне?
Сказать: «Помилуй,
мне бремя это не поднять!»
или, воспрянув, с новой силой
тебя, далекого, обнять?

1975

* * *

Туман меж соснами, как дым,
стоит с утра над снегом скудным,
и небо тусклое над ним
лежит глухим и беспробудным.

Еще заметная лыжня
у дома переходит в слякоть,
и ты опять томишь меня,
и хочется курить и плакать.

Настольной лампы бледный свет
желтеет на окне дождливом,
и много одиноких лет
пройдут в терпенье молчаливом.

Укладываюсь на бочок;
туман редет в перелеске,
и невеликий паучок
ползет по белой занавеске.

1975

* * *

Неумолкающей волною
вспоминание болит,
покуда ты передо мною,
ничто души не утолит.

Покуда это наважденье
везде преследует меня,
невыносимо расхожденье
воображения и дня.

1975

* * *

В этой заводи время замедлило ход,
здесь стоят тростники в неподвижности вод,
и стрекозы парят, и скользят плавуны,
и зеленые водоросли утомлены.

Хорошо у воды, никого не любя,
отдохнуть от людей, отдохнуть от себя
и, следя за жуком, в полусне тростника,
понимать, как прекрасно она далека.

И в последнем смиренье учить наизусть
тростниковую жизнь, насекомую грусть,
обо всем забывая над илом глухим,
ощущая себя молодым-молодым.

1975

* * *

Вот начнется весна — и проснется природа,
и от черных сугробов ручей побежит,
и очнется душа в глубине небосвода,
и, как ранней порой, вдруг захочется жить.

И знобящий рассвет, и прозрачные трели
на желанной заре пробудившихся птиц,
и размытых лесов и полей акварели
соберутся вдруг влагой у самых ресниц.

**И чего-то вдруг станет мучительно жалко —
ну, хотя бы пробежки к воде голубой,
понимая, что сердце не кресло-качалка,
а качание веток, задетых тобой.**

1975

ДЕТСТВО

**Стою я худой и несмелый,
щекой прислонившись к ограде,
и лебеди небылью белой
плывут по зеленой прохладе.**

**Вот крылья один поднимает,
волнуясь, над грязной землею,
другой к теремку подплывает...
И люди идут за спиною.**

**Красивые гордые птицы
проносят высокую шею;
и все я не в силах проститься,
и все я о чем-то жалею.**

1975

Кое-где уже льдом покрывается черная грязь,
но еще под ногами скользит на осенних дорогах;
заигрался, и мама давно уж меня заждалась
и в холодную форточку что-то кричит об уроках.

Я игрой увлечен,
и не слышен мне голос ее.
Прячусь я от себя,
и ищу,
и себя догоняю,
и стреляю в себя,
и шепчу себе имя свое,
и у голой осины «щиталку» свою сочиняю.

Завтра строгий учитель по чтению спросит меня,
и я буду молчать удрученно и непоправимо,
и за школьным окном
будут падать снежинки, звеня,
и деревья стоять удивленно и неповторимо.

Нет, пора уже вспомнить, что дома братишка один.
Приготовлю урок
и ему перед сном почитаю...
Мама, мама, я скоро! Я чуточку не «доводил».
Я считаю еще,
прислонившись к себе,
я считаю...

1975

* * *

Солнце садится, тускнеет простор,
сонный поселок затих,
только нестройный кузнечиков хор
слышится в травах густых.

Хочется длительно вторить ему
над опустевшей землей —
все-таки радостней быть одному
с этой поющей травой!

Хочется лечь головой в ковыли,
и до созвездий лежать,
и, дожидаясь ответа вдали,
друга во тьме окликать.

1975

* * *

Я помню озеро, и лес,
и синий домик деревянный,
в котором первый интерес
будил солдатик оловянный.

Я помню школу, и звонок,
и неуверенные строки...
Прости, мой первый педагог,
забыл я все твои уроки!

Я помню тайную тетрадь
и обаянье рифм неточных...
Как не хотелось умирать
в тумане поисков полночных!

Я помню голову, и взгляд,
и школьницы сухие руки...
Я все отвергнуть был бы рад
за те возвышенные муки!

Я помню многое, и всем
доволен я... Скажи на милость,
одно лишь мне скажи, зачем
и с кем все это там случилось?

1975

* * *

То не сосны шумят над моей головой,
то не ветер в полях замерзает,
над морозной землей, над беззвездной зимой
проплывает мой голос и тает.

И над скованным льдами теченьем веков,
под безмолвием, схожим со смехом,
он себя окликает во мгле облаков,
утешаясь размеренным эхом.

Только с сумрачных сосен сыпается снег,
и сливается звук с темнотою,
и стоит на застывшей земле человек,
пораженный своей немотою.

Смотрит он в отражение голых равнин,
дышит паром и ежится зябко,
и мычит, и мычит на опушке один,
и беспомощно комкает шапку.

1975

* * *

Напев Японии далекой,
улыбка юности прошедшей!
На жесть поющего брелока
смотрю светло, как сумасшедший.

Когда я слышу эти трели,
мне хорошо в моей каморке...
О, как же мне когда-то пели
ее обиды и восторги!..

Я заведу тебя вторично,
брэнчи о прошлом, рай брелока.
Мне тишина уже привычна,
мне лишь с тобой не одиноко.

1976

* * *

На бурый ком за каменной стеной
глядит толпа, любя его уродство,
и, связана улыбкою одной,
ему бросает крошки превосходства.

И в самом деле, как не подобрать,
вдыхая этот допотопный запах,
когда перед тобой дурак-медведь
так неуклюж, прося на задних лапах.

А этот день осенний и сухой
и есть твоя улыбка умиленья,
когда бросаешь лучик золотой
в ответ на наши грубые моленья?

1976

УСТЬ-НАРВА

Море,
ветер,
дюны,
ивы,
чайки хрипый голосок,
волны Финского залива
набегают на песок.

Я припомню жизнь глухую,
пожалее о живой

и о друге затоскую
под холодной синевой.

Полечу над хмурью водной,
равнодушный ко всему,
одинокий и свободный,
внемля сердцу одному.

Погляжу в оцепененье
вдаль надменных, пенных вод,
где, темнея в отдаленье,
лодка бедная плывет.

1976

НОЯБРЬ

Всем уж казалось — сугробы и лед.
Снова зачем-то дует и льет.

Окна потеют. Капли ползут.
Рано темнеет, и люди идут.

Вот пешеход, и еще пешеход.
Скоро зима. Завершается год.

1976

* * *

Терновый куст не загорится,
растает облако вдали,
и снова сердце усомнится
в высокой истине земли.

Но, слава богу, есть березы,
их милосердный белый свет,
и есть еще слова и слезы,
которым объясненья нет.

1976

* * *

Как зверек недогадливый, бился
в милосердных ладонях твоих,
а потом слепоте удивился,
изнемог, присмирел и затих.

Мне теперь хорошо одному
наблюдать, как текут полустанки;
прислонившись к окошку в ушанке,
улыбаясь не зная чему.

1976

* * *

Тропинки зимней тишина и шорох,
и все ясней,

что нет пути назад.

Пусть в дальних остывающих просторах
сухие звезды надо мной горят!

И все ясней в морозной синей дымке,
что ты теперь уж навсегда одна:
в неслышной песне,
в шапке-невидимке
почти со мною и почти нежна.

1976

* * *

Мелькает мотылек оранжевым крылом,
последний снег в ложбине тает,
и воды мутные яснее с каждым днем
передо мною протекают.

Я приходить люблю погреться на откос
и щуриться

на дальнее течение.

И лишь дыханье слабое берез
колеблет

воздуха свеченье.

И нет меня!

**Есть только этот свет,
струящийся над жухлою травюю,
и нежный ветер отзвучавших лет
над непокрытой головою.**

1976

* * *

Чувствую новую песню свободы
в опустошенной груди,
светлые тайны и тусклые годы, —
кажется, все позади.

Я открываю пространству объятья,
я просыпаюсь, смеясь;
жалкие мысли и легкое платье,
мартовский ветер и грязь.

Все-таки что-то успело промчаться,
что-то устало ползти;
ясные звезды и странное счастье,
снег обреченный в горсти.

1976

ИЮНЬ

Плывущий воздух, медленный от зноя,
весь в легком и витающем дыму,
взгляну в лицо, далекое, родное,
и, задыхаясь, за руку возьму.

И вновь, как тополиный пух ленивый,
июньскою истомой опьянен,
начну шептать кистей твоих извивы,
локтей изгибы и бровей излом.

И, вот уже подхваченный порывом
и уносимый плавною струей,
пойду витать над миром сиротливым,
смотря, смеясь, как плачет голос мой!

1976

* * *

Хоть не о чем жалеть, порою жалко
поверхности земли, когда поземка
по тротуару скользкому струится,
когда морозный ветер, обжигая,
желанным холодом покалывает щеки,
и кажется, что оживаю я
и снова полон нежности и боли,
как некогда,

        когда под вьюгой белой
стоял подолгу у знакомой школы
и ждал твоей кокетливой пробежки,
и радости, и робости, и пара
из приоткрытых губ... мучительно и чудно-
тянулось ожидание, и часто
стучал ботинок мерзлый по ботинку...

1976

Офелия пела и гибла...

Фет

Что там невнятно лепетала ты,
о чем волнам блаженно напевала,
кому с улыбкой слабою кивала,
соединяя в забвении цветы,
последнее сплетая покрывало?

Невинная.

Но кто же виноват?

Печальная.

Но кто же не печален?

Когда дохнуло холодом из спален,
зачем меня не отыскал твой брат?!..
И я теперь — как ветер меж развалин.

Чего ты ищешь, вольный и больной,
о чем свистишь, зачем ты камни точишь,
чего ты здесь еще добиться хочешь —
или, не в силах сжиться с тишиной,
и ты поешь, и ропщешь, и бормочешь?

1977

В МАЕ

Бывает в мае —

облаками

легко покрыта синева,
и часто-часто огоньками
желтеет ранняя трава,

Пчела с жужжанием дремотным
кружится мерно у цветка,
и чем-то дальним, беззаботным
повеет вдруг издалека.

Земля покажется поляной...
И ты по травам босиком
бежишь за бабочкой желанной
с огромным розовым сачком...

Так отчего сегодня трудно
весенней радостью дышать,
увидеть чудным то, что чудно,
и за желанным побежать?

1977

БАЙРОН

Когда б я не был ввергнут в эту муть,
когда б не время с хваткою паучьей,
все выше в небо и все глубже в грудь
не уходила б скорбь моих созвучий,

но суматоха искажает суть
и озлобляет в свалке неминучей —
и вот уж негде взгляду отдохнуть,
и дух тревожный все дружнее с тучей,

устав толпе томиться взаперти,
устав по будням, как червяк, ползти,
и остывать, и уповать на случай.

**Мне негде быть и некуда идти.
И ты меня, пожалуйста, прости
и тихой добродетелью не мучай.**

1977

НА ЛЫЖАХ

**Вперед с надеждою ребенка
лыжня упрямая бежит;
одна среди равнины тонко
травинка желтая дрожит.**

**Напрасно тусклое светило
зовет к безвольному добру —
уже пространство охватило
меня отрадой на ветру.**

**Мое дыхание все чаще,
все легче вдохновенный бег,
в лицо летит, как бы звучащий,
несущийся над полем снег.**

**И горькой радостью свободы
так упоительно дышать
и в каждом вдохе осушать
мне уготованные годы!**

1977

Здесь первозданно и прохладно
и пахнет водяной травой,
а ты жужжишь и кружишь жадно
над утомленной головой.

Вот рябь по звездам пробежала,
и ропщут темные кусты,
тебе ж воткнуть и вынуть жало —
и сыт уже и счастлив ты.

Измученный невольным бдением
ночами в местности сырой,
твоим назойливым гуденьем
я раздражал себя порой.

Но ныне среди тварей мира
себе врага не вижу я;
звучи же, маленькая лира,
есть, видно, правда и твоя!

И что мое глухое пенье,
волненье, вечность у виска —
души бессмертной ли томленье
иль плоти жалкая тоска?

1978

БАРАТАШВИЛИ

Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу, —
и вот ты, живая, журчишь, убегаешь...

Застывший, бесстрастный, как снег на вершине,
белеющий немо над звучной тобою,
когда его солнце весною коснется,
когда он услышит твой говор знакомый,
я плачу, Арагва.

Холодным терпеньем иссушено сердце,
угрюмое горло мне жалость сдавила,
и годы восстали, и тянутся к жизни
былые надежды...

Окрестных селений слепые отары
послушно и сонно на склонах пасутся;
но нет мне смиренья!

И плещутся пенно бегущие волны
о круглые камни;
но нет мне восторга!

И вольные птицы парят над вершиной;
но нет мне покоя!

А время проходит, прохладой вея...
Я плачу, Арагва!

1978

* * *

Теплый дождь шелестел по округе,
словно шалость весеннего дня,
рядом легкая поступь подружки
иногда оживляла меня.

Мы дошли до большого оврага:
было слышно журчанье внизу,
и туманная тихая влага
чутким паром стояла в лесу.

На исходе намокшей тропинки
вниз на мостик ступени вели,
распустившейся вербы пушинки
невесомо желтели вдали.

И впервые за долгие годы,
примираясь друг с другом, слились
женский голос и шелест природы,
эта жалость земная и высь.

Позабывтое чувство тревожно,
может быть, шевельнулось в груди,
показалось, что счастье возможно
и еще что-то ждет впереди.

До ступеней последних, до глины
захотелось с тобою пройти
этот мостик непрочный и длинный,
над оврагом невидный почти.

1981

* * *

Ладошки тянут побирушки
и шепелявят о Христе,
сияет купол в высоте,
и крестятся на крест старушки
и поминают о посте.

**И в полутьме, почти бесплотна
и тайным трепетом жива,
клонится к полу голова
и шепчет страстно и дремотно
полубезумные слова.**

**...Потом плетутся вдоль ограды,
ногами шаркая в пыли,
и растворяются вдали,
как будто впрямь кому-то надо,
чтоб так согбенно шли они.**

**А мне пустынной их дороги
мой трезвый век не подарил
и в бедном сердце поселил
неутолимые тревоги
и отрицанья странный пыл.**

1979

УТРО

**В первый раз проснулся я с улыбкой,
первый раз за много-много лет —
за окном весенний воздух зыбкий,
птичий переливчатый рассвет.**

**Неужели так еще бывает:
дышит зелень с каждого листа,
ветер веет, солнце пригревает
и душа, как в юности, чиста.**

полустанком под навесом
уплывает мутный день.

Что за сила, что за тяга
вдаль меня еще влечет?
И зачем слепая влага
тьму беспомощно сечет?

Не увидишь привокзальный
трудный сумрак, долгий дождь —
снова к школе музыкальной
в легкой шубке подойдешь.

Не увидишь, как струятся,
как, летя из мглы во мглу,
капли быстрые сребрятся
по холодному стеклу.

2

А наутро солнце глянет
на бегущие поля,
и в окошко юность грянет,
и опять желанна станет
бесконечная земля.

Хорошо растаять в стуче
расходившихся колес —
снова к звукам тянут звуки
ропот, ревность, радость, руки,
снова в мире нет разлуки —
только белый мельк берез.

Словно не было в помине
ложной боли, блеклых лет —

только легкость беглых линий,
только ранний бодрый иней,
только дали голос синий,
только музыка и свет.

1979

* * *

Искрится мокрый снег, плывут большие льдины,
и ветер мне несет свободы вечной весть,
и даже в том, что мы с тобою не едины,
и в этом что-то есть, и в этом что-то есть!

Стоит над миром март, и синь простора стынет,
и солнце все щедрей на скудности куста,
переболит душа и снова крест поднимет,
и снова станет жизнь желанна и проста.

1976

РЕБЕНКУ

И гальки гладкий бок, и маленькая рыбка,
в светящихся волнах мелькнувшая блесной,—
все веселит тебя, на всем твоя улыбка,
все радует тебя счастливой новизной.

Завидую тебе. Что мне сегодня ново? —
Хоть в камешке простом я вряд ли что пойму.
Живая ропщет жизнь и прокликает слово,
и в ропоте своем вновь тянется к нему.

Но стоит ли на мир и на себя сердиться —
корабль твой по волнам на ниточке скользит,
и разных душ незримое единство
меня печальной радостью пронзит.

1980

* * *

Люблю березовую рощу,
когда сухой октябрь сквозит,
и лист летит как бы на ощупь,
но плавно в воздухе скользит
и словно росчерк предо мною
выписывает, еле зрим,
и притяженье неземное
так ласково владеет им.

1974

СОДЕРЖАНИЕ

1

«Я иду от Никитских...»	3
«Живу в Вишневом переулке...»	4
Ялта	5
«С трудом глаза я утром открываю...»	6
«Слева — то же море на беду...»	7
«Бубнил контрабас, басила гитара...»	8
«Удручена прощаньем нашим скорым...»	9
«Неведомо откуда...»	9
В Подмосковье	12
«Этот дом с галереєю хрупкой...»	14
Ушба	15
Железная дорога	15
«Теплая ночь за окном...»	16
«Благодарю тебя за то...»	17
Книга Бытия	18

2

Март	19
На даче	20
«Длинный октябрь, осененный порой листопада...»	22
«Скрипач на сцене, сцена — зал...»	23

У моря	24
Гектор	25
«Вот он, забытый языческий миг!..»	26
Лютер	26
Столешников	27
Бессонница	28
«Высоко в небе необъятном...»	29
Гераклит	30
Спас-Купалище	30
«Я полюбил ночной порой...»	31
«На далеком причале сигнал..»	32
«Будет свет в комнатухе неярк...»	33
В разлуке	34
Бах	35
«Туман меж соснами, как дым..»	35
«Неумолкающей волною...»	36
«В этой заводи время замедлило ход...»	37
«Вот начнется весна...»	37
Детство	38
«Кое-где уже льдом покрывается черная грязь...»	39
«Солнце садится, тускнеет простор..»	40
«Я помню озеро, и лес...»	40
«То не сосны шумят над моей головой...»	41
«Напев Японии далекой...»	42
«На бурый ком за каменной стеной...»	43
Усть-Нарва	43
Ноябрь	44
«Терновый куст не загорится...»	45
«Как зверек недогадливый, бился...»	45
«Тропинки зимней тишина и шорох...»	46
«Мелькает мотылек оранжевым крылом..»	46

«Чувствую новую песню свободы...» . . .	48
Июнь	48
«Хоть не о чем жалеть...»	49
«Что там невнятно лепетала ты...»	50
В мае	50
Байрон	51
На лыжах	52
«Здесь первозданно и прохладно...»	53
Бараташвили	53
«Теплый дождь шелестел по округе...»	54
«Ладочки тянут побирушки...»	55
Утро	56
В дороге	57
«Искрится мокрый снег...»	59
Ребенку	59
«Люблю березовую рощу...»	60

Виктор Генрихович Гофман

МЕДЛЕННАЯ РЕКА

М., «Советский писатель», 1982, 64 стр.
План выпуска 1982 г. № 160

Редактор *В. К. Семакин*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *Е. П. Румянцева*

Корректор *Б. Ш. Котт*

ИБ № 3051

Сдано в набор 09.12.81. Подписано к печати 24.02.82. А-09048. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 2,34. Уч.-изд. л. 2,06. Тираж 10 000 экз. Заказ № 244. Цена 25 коп.

Издательство «Советский писатель»,
121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Типография издательства «Радянська
Донеччина». 340015, Донецк,
ул. Газеты «Социалистический Донбасс», 4.

25 КОИ.

